

Гр. Капанцян
(действ. член АН Арм. ССР)

**К установлению хурритского термина *šarri- || zarri-*
в значении „слуга, раб“ по данным армянского
и грузинского языков**

В хурритских текстах из Богазкея (Турция) и Нузи (совр. Йорган-Тепе близ Керкука) встречается много слов, нарицательных и собственных, имеющих в своем составе корень *šarri- || šar*, чему в других местах вторит писание *zar(ri)*. Это слово употребляется и отдельно, и так как по внешнему виду оно одинаково звучит с аккадским *šarri*-и „цар“, то отсюда легко заключили, что хурритское слово того же значения и заимствовано с семитического¹. Правда, были и сторонники хурритского происхождения занимаемого нас слова, как, например, Вейднер, Густавс, П. Пурвес и др., но значения его не уточняли проверкой на всех примерах. В сравнительно недавно открытом (в 1931 г.) сумеро-хурритском словаре из древнего Угарита (совр. Рас-Шамра в северной Сирии) имеется в соответствии сумерского *nam-gar-ra* хурритское *šar-ri* (Kol. III, 31), а само сумерское это слово в других случаях заменяется обыкновенным *nam-ri* или *nam-ra*, что является синонимом аккадского *šallatum* „уводимое из покоренных городов население“. Другие же переводят это сумерское *nam-ra* через „пленный, раб, колон“ (см. А. Götze, *Die Annalen des Muršiliš*, Лейпциг, 1933 г., стр. 228).

Для нашего *šarri || šar* в богазкейских текстах (KUB XXV и XXVII) имеются следующие образования: *šarri*, *šarrena* (мн. ч.), *šarribi*, *šarribina*, *šarrinibi*, *šarra*, *šarraš*, *šarrašti*, *sarrasihinibi*, *šarraššihinibiniš*, *šarraššibinašuš*, *šarrašihinibinašuš* и т. д. и одно собственное мужское имя в одном старохурритском тексте—*Sarkabšarri*². В нузийских же таблицах на аккадском языке даются только собственные имена, как *Sartešur*, *Sartilla*, *Sarmuli* (*Sarramuli*), *Sarmušti*..., или с обратной расстановкой—*Tešuršar*, *Tillašar*, *Paišar*, *Akipšar*, *Enšaru*, *Ewrišarri* и пр.

Мне думается, что перевод встречающегося во всех этих собственных и нарицательных словах элемента *šarri* или *šar* через „слуга, раб“ вполне подходит. Например, *Sartešur*=раб бога Тешупа, *Sartilla*=раб бога Тилла, как и их обратное расположение *Tešuršar*=Тешупа раб, *Tillašar* „Тиллы раб“ и т. п. Точно также—*Enšar* „бога раб“, *Ewrišar* „господина (царя) раб“, *Paišar* „фавна раб“ (ср. арм.

¹ См. Nuzi personal names, стр. 251, лист П. Пурвеса, Чикаго, 1943.

² См. J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, стр. 35, Berlin, 1932.

раи „пан, фавн“), Duršar (ср. урартс. Sardur) „стены служитель“, т. е. служитель храма, как имеем акк. Dur-ili-šu „стена его бога“, Ahlipšar „рода моего слуга“¹ и т. д. Эта теофорная ономастика сообразно времени и подавляющего влияния религии встречается и у других древних народов, как, например, у ассиро-вавилонян: Warad-tašmeiš „раб бога Т.“, Wardkubi „раб (подземного бога) Куби“, Waradduri „слуга стены“, Wardištār „слуга (раб) богини Иштар“, Ur-didiglat „слуга (раб) реки Тигр“ и т. п. Имеем также у касситов—Melešipak || Mele—^d Marduk, Mele—^d Sibarra, Melesah (слуга Солнца), Mele—šugab (слуга бога Шугаба=Нергала) и пр., где mele „слуга“. Ср. подобное и у поздних арабов—Абдуллах, Абдалмелек, Абдулмессия и т. п., где начальная часть абд значит „раб“.

В богазкейских хурритских текстах есть также формы šaggi-paša, šaggiša, šagginpaša и пр., перед которыми стоит знак „бог“, что признается многими за детерминатив и как будто подтверждает аккадское происхождение хурр. šagg-, в значении „царь“, как его обожествление. Мне же кажется, что этот знак „бог“ скорее является идеограммой и следовательно следует эти формы понять как „бог служения“ или „бог служитель“. Ведь такую роль играли служанки-богини Нината и Кулита в отношении хурритской (субарийской) Иштар, т. е. Хепит или Шаушка из городов Хаттарина, Кулиушна, Анкува, Таменика (KUB XXVIII, I 46', 48'—50'). К этому я бы прибавил и следующую фразу из одного старо-хурритского текста²: „au ^dHidam ešerpe luttillae ^dHumarweneš šagga 'смотри на бога Хидам, владельца преисподни (?), Кумарпского слугу', а Кумарпа, как знаем, является главным богом этого подземелья у хурритов (по образованию ср. имя другого бога Напарпи с общим элементом -арпи).

Есть графические данные, которые говорят за то, что в пространстве к югу от исторического Урарту, а именно на территориях вокруг современного Чагар-базара (к югу от Мардина), древнего Митанни (бассейн реки Хабур), северной Сирии и пр. хурритское šag-gi звучало zag-gi, не говоря уже о том, что клинообразный знак для „šag“ мог произноситься и sag.

Например, в письме митаннийского царя Тушратты, посланном египетскому фараону Аменхотепу III (=греч. Аменопис, 1413—1377), мы читаем (I, 84'—90'): «И твой брат Ниммуриа, египетский царь, статую (идол) большую сделал и в город Ихипени, город бога Шимиги, он прибыл и для Шимиги, своего бога, своего отца, он доставил. Из отцовских же даров все эти статуи (taše), очень и очень красивые, и со служителем (zag-ga-ta-p) твоего брата в (свою)

¹ См. J. Friedrich, *Kleinasiatische Sprachdenkmäler*, стр. 35, Berlin, 1932.

² Там же. Перевод приведенного отрезка (строки 20—21) мой. Вместо „Кумарпского саугу“ лучше было бы сказать: (что) Кумарпский слуга.

страну на показ (*šiusi*?) эту статую он отправил...» (мой перевод). Здесь форма *zaḡ* вместо ожидаемого *zaḡḡ* имеет окончание комитативного (*Comitativus*) падежа *na-ḡa*, показывающего совместность („вместе с, со, с“), так что писание *zaḡ-ḡa* может отражать и ожидаемое *zaḡḡ-ḡa*. В текстах из Чагар-базара имеется вместо слов с „š“ писание его через „z“. Наконец, в алфавитно переданных писаниях из древнего Угарита (совр. Рас-Шамра) имеем *z* (*z*) там, где силлабическая клинопись дает *š*, например, *ʿEwrzr*=*Ewrišarri*, *Zmgnd*=*Simiginidi* (направ. падеж от имени бога *Šimigi*) и т. д.

Имея все это в виду, можно смело принять такое же произношение *zaḡḡ* или *zaḡ* и у хурритов на верховьях реки Тигр, там, где горные районы Арме или Ариме (вокруг позднего Ангелены, севернее совр. Диарбекира) и Шуприа (вокруг совр. Муфаркина) продолжали сохранять последних хурритов—субаритов (шупритов). Последние с седьмого века до н. э. начали смешиваться с пришлыми хаями из Хайчса-Аззи (на верхнем Евфрате, совр. Карасу) и тем самым передали им и много хурритских слов, в том числе и интересующее нас слово *zaḡ-ḡi*. В этом слове применялось два знака, одно для *zaḡ*, а другое для *ḡi*. Последнее могло выражать и одно согласное, ибо у клинописи нет другого способа передачи обыкновенного согласного, а знак *zaḡ* в обыкновенной аккадской графике заменяет также чтение *šar*, как имеются знаки, обозначающие *gaz* || *gas*, *zip* || *šip*, *zur* || *šur*, *za* || *sa* и т. п. Так что *zaḡ-ḡi* могло передать и произношение *saḡ-ḡi*, т. е. *šarḡ*. Это *saḡḡ* передалось армянам в форме *car-a* (*tsar-a* „слуга, раб“ с наростом в конце гласного „а“, вероятно под арамейским (сирийским) влиянием. Такое же соответствие клинописного *š* армянскому *s* (—*ts*, близко к русск. *ц*, но без придыха) мы видим и в следующих примерах: уарт. *sue* „море, озеро“=арм. *sov* (и груз. *zue*) „море“, уарт. *šari* (*zari*) „дерево“=арм. *car* „дерево“, тогда как хурр. и уарт. *s* передается армянским *s*, например, хурр. *ašti* „женщина, жена“ при арм. *astem* „женюсь“, (*astol* „жених“), уарт. *Tušra* при арм. *Tosp* (район совр. Вана), уарт. *sanī* „котел“ при арм. *saḡ* с тем же значением. В других случаях, между прочим, клинописное *z* передается армянским *s* (= *ts*, что близко к русск. *ч*, без выдыха). Нужно заметить также, что хурритское двойное *ḡḡ* слова *saḡḡ* (*zaḡḡ*) передано в армянском одним твердым (рокочущим) *t*, что не нужно смешивать ни с двойным *tt*, ни с одним простым („мягким“) *t*, что в армянском разн. отражается на значении, например, *tar* „буква“ при *tar* „унеси“ (но *tarr*=*tarər* „стихия“), *ber* „ноша“ при *ber* „принеси“ (но *berri* „плодородный“) и т. п.

Если клинописное *šarḡ* в армянском представлено через *car-a*, а *zaḡḡ* могло дать и арм. **šar-a*, чего нет, но зато его „окающая“ форма представлена в западно-грузинской языковой группе, а именно в мегрельском, в форме *škorī* (*šqorl*) „раб“, развившейся из первоначального **šog*. Эта общегрузинская тенденция фонетического

развития первоначального „џ“ в новые čk, žk, с в новые čk, sk, с (= рус. ц) в новые sk' (=skh), сх, џ (= рус. ч) в новые čk', čx, j (рус. дз) в новое jč, j (рус. дж) в новое ič и пр. развилась очень давно, задолго до пятого века н. э., когда у грузин появилась письменность.

Армяне того же пятого века сохранили корни, родственные с грузинскими, уже без этих „децессивных рядов“, как называет Г. Ахвледиани, напр., при груз. skalı и мегр. скагı „вода“ армяне имеют более старое саг-ав „жаждущий пить“ (с суф.-ав, как имеются хоп-ав „сырой“, имя села Ordп-ав „Червивый“ от ordп „червь“, имя горы Suk-ав от supk „гриб“ и пр.), при груз. зүе „море“ имеем урартс. šue и арм. օ Վ (id.), при груз. jոք „подарок“—арм. jոք (id.), при груз. scavla „учить“—арм. sovor-el (id.) и т. д.

Наконец, мегрельское čkorı „раб“ (ср. также Gegečkorı „раб св. Георгия“, paton-čkorala „крепостничество“) для своего старого вида *čor имеет поддержку и в армянском слове čort (с суф. t) „прислуживающий мальчик, слуга“, а позже и „крепостной крестьянин“, письменно засвидетельствованный с десятого века. Быть может это слово заимствовано было в связи с институтом крепостничества из грузинского языка, но имеющееся там слово čort, в письменности раньше также незасвидетельствованное, значит „каменная статуя, камень холма“ (по Чуб.), но по С. Сулхан Орбелиани значит „крепостной с одним отрезанным ухом. Н. Марр предлагал было в одно время с ними связать и русское „черт“ (раб подз. бога?!), хотя другие лексические армено-русские связи вообще не отрицаются¹.

Мегрельское *čor-, как старая форма, может отражать и более старое *čor-, соответственно хурр. šarr-или zarr-, ибо, как известно, грузинская языковая группа с древних времен, подобно армянскому и урартскому языкам, не терпит двойных согласных (consonne gémi-pée). И сейчас даже такие слова как коммунист, масса, Савва и пр. пишутся и произносятся у грузин комунисти, маса, Саба и т. д. Даже там, где морфологически требуется совместность одного согласного, т. е. двойной согласный, и тут также упрощается, вроде слова sameti „тринадцать“ из ath „десять“ + samı „три“ + meti „больше“.

Спрашивается, а какими же путями хурр. šarr- или zarr- перешло к мегрельцам в форме *čor или *čor-, а возможно и армянам и грузинам в форме čort, если, конечно, в последнем примере „t“ является суффиксом. Тут может быть два пути: либо через армян с юга, либо же через урартские племена доармянского освоения исторического Урарту.

¹ См. у меня „Хайаса—колыбель армян“, Ереван, 1947 г., страницы 151—153. Возможно, что и русское крaмoлa есть арм. слово kəramol, что дословно значит „идолопоклонник“, откуда и современное kərambol „упрямый, эгоист, голстоголовый“. В армянском это слово сложное: kuř-kh „идол, истукан“ и глагольный корень mol-imp „беснуюсь в почитании, рьяно почитаю“. Слово крaмoлa вероятно проникло в Москву при помощи армянских купцов.

Вопрос о посредстве армянского языка маловероятен, ибо арм. слово *saša* (*tsaša*) „слуга, раб“ не представлен своим конечным гласным в этом мегрельском **šor* или **šorr*. Шипящее („чокающее“) произношение в армянских южных районах также могло быть, вроде *šawaket* „дитя“ женского пола (с семитическим-*et* для женских имен) при обыкновенном арм. *zawak* „дитя“ (без отношения к полу), но это, во-первых, очень редко представлено, а, во-вторых, „окающая“ форма мегрельского языка не может быть доказана на основании армянского языка. Можно было бы допустить, что в восточной (картской) группе у грузин когда-то была форма **car-*, давшая закономерно мегрельское **cor-*, как, например, карт. *kasē* „человек“ = мегр. *koči*, карт. *jaṭli* „собака“ = мегр. *joṭori*, карт. *sulī* „душа“ = мегр. *šurī* и пр. Но это будет пока голым предположением, ибо у грузин-картов есть только *topa* „раб“ неизвестного происхождения.

Вопрос о посредстве официального урартского языка также отпадает, ибо для понятия „слуга, раб“ в урартском существует только слово *biṭa* или *riṭa*, оставляя сомнительное *wedia*¹.

Мне думается, что мегрелы с лазами, или как их сейчас называют „заны“, непосредственно переняли слово **šor(r)* — „раб“ от халдаев или точнее халдов, которые за несколько веков до нашей эры передвинулись с пространств к западу от Ванского озера к современному Эрзеруму, где имеется село *Kayd-aric* (из арм. *Xald-aric*) и далее к берегам Черного моря в современную Лазику („Халдию“).

Подобное же передвижение с юга на север мы видим у хайо-арменов в VI—III веках до н. э., но и у алародов, в сторону современной Араратской и Алашкертской долин, как и у мосхов по долине реки Чорох и др. Греческое писание *Χαλδαι(oi)* отражает семитическое *xald-ai* „халд, халдянин, халдец“ с семитическим суффиксом *-ai* для этнического происхождения, как *kossai-oi*, *ortai-oi*, *korduai-oi* и пр. с прибавлением греч.-*oi* для множ. числа. Слова *xald-ai*, *aššurai* и пр. могли обозначать вообще и халдочителя, ассурочителя и пр., т. е. любого разноязычного подданного Урарту или Ассирии, которые признавали своим верховным божеством Халда и Ассира. Даже сейчас к северу от Сгерда есть более двух десятков курдских сел под общим названием Халдан. Несомненно, что и лазские халдаи были не урартцами в собственном смысле этого слова, а особые племена с примесью видимо хурро-урартских, а может быть и семитических языковых элементов. В их языке могли бытовать как раз слова, вроде *šorr*, которые и передались заннам (чано-мегрелам).

¹ Значение *biṭa* „раб“ впервые было установлено мною на основании обыкновенного фонетического *biṭaštubī* в соответствии с полуидеографическим *ERU-aštubī* „службой сделал, я поработил“ в Норбаязедской надписи царя Русы I (см. „Клин. надп. из Норбаязеда“, отд. отт., Ереван, 1930 г., стр. 17). Независимо от меня то же самое установил и J. Friedrich (*Caucasica*, Fasc. 8, 1931, стр. 150).

В этой связи я хотел бы обратить внимание и на возможное сходство между мегр. *p'ar'ala* „обрыв“ (с суф. *-ala*, как *kazaxala*, *ḡkoḡala* и т. д.) и хурр. *rap* „гора“ при урартском *baḡa* „гора“, арм. *baḡa* „холм“ (у лексикографа Еремии Мегринского), *raṭb* „возвышенное место“ (у арм. историка Матфея Едесского), название горы Памп (откуда совр. Памбак и Памбакское ущелье), село Папшен (на склоне Битлисского ущелья) и пр. Затем, мегрельское *seḡi* „вечер“ с своеобычным частым изменением старого „l“ на новое „ḡ“ возможно стоит в связи с урартским (resp. поименованным халдским) словом *seli* „ночь“ в урартском—*ḡel-ardi* „луна“, собств. „ночное светило“, в [в словаре Е. Мегринского имеется *Selard* „луна“ с изменением лапидарного арм. *U* в *Ṭ*]. Наконец, груз. *ḡiḡano* „круг (орбита) вокруг луны“ с мегрельским („чокающим“) своим видом вместе с древне-армянским *ḡiḡani* „багряново-красный, фиолетовый, синий“ (откуда и одежда такого цвета) являются „палеонтологическим“ реликтом от хурр. *tiḡanna* „радуга“ (как обожествление)¹, заимствованного с шумерского *Tiḡanna*, при урартском обожествлении *Tiḡani*. Звукопереход *t > c* (или *c*) нормален в грузинском и армянском. Я уж оставляю о семитических словах (аккадских) в подобных же передачах, подобно арм. *ḡah-iḡ* или *ḡah-in* „болото“, груз. *sa(h)-oba* и акк. *zah-i*, или, например, груз. *ḡpeḡa*, мегр. *ḡpeḡa* и арм. *ḡəps-el* „давить“ при акк. *ṣapak-u* „давить, прижимать“ и т. д.

Более того, в мегрельском сохранились легенды, в которых имена героев звучат совсем не по-кавказски или грузински, а идут из хурро-урартского мира.

Например, в одной легенде говорится о боге *Ant'ari žini*, воспоминание которого совершается в день заговения великого поста. Хозяин дома, как бы принося жертвоприношение, разрезывает себе часть особа приготовленного кукурузного хлеба с конусообразно вырезанным куском сыра в середине и, раздавая другим остальные части хлеба и сыра, молится и просит этого бога об увеличении скота (см. И. Кипшидзе, Грам. иверского языка, Петербург, 1914 г., стр. 194—195). Для этимологии первой части имени этого бога тут предлагаются разные другие слова: груз. *antari* „обезьяна“, арабс. *adḡ* „избранный, самый предпочитаемый“, абхазские *att'ari* „бог, покровитель скота и хуторского хозяйства“ или *apṣa*, *apṣwa* „бог“. Вторую же часть *žini* И. Кипшидзе отождествляет с мегрельским *žini* „верхний“, хотя против этого, по-моему, говорит то обстоятельство, что это прилагательное всегда предшествует определяемому существительному, как, например—*žini boria* „верхний ветер“, *žiniṣi Ort'a* (назв. села), *žino-skua* „благородный“, *žin-malu* „высоко летающий“ (ястреб). Тут, по-моему, неправильны этимологии обоих компонентов и все это имя бога *Ant'ari-žini* целиком идет с юга. Так, например, при ассирийском царе Адад-Нирари I (1310—1280) упоминается,

¹ В хурр. было и мужское имя *Ar-tiḡanna* „дар (бога) радуги“, см. NPN. 267.

как эпоним, имя некоего Andari-sini, что ученый фон Зоден хочет считать индийским, наличным в имени Indra-sena. Для первого компонента есть и имена хурритов Antarati, Antare, женс. имя Andarese (см. Nuzi personal names, авторов И. Гельб, П. Парвес и А. Макрай, Чикаго, 1943 г., стр. 201), к чему с своей стороны прибавлю и имя урартского правителя Andaria при ассирийском царе Ассурбанипале (конец VII в.). Второй элемент žini имени мегрельского бога Ant'ari-žini я вижу не только в поименованном эпониме Andari-sina и индийском имени Indra-sena, но и в многочисленных хурритских именах из Нузи, как Pašina, Paizana, Purnazini, Bir(i)azina, Uttazina, Ambizina и др. (ibid.), к которым я бы присоединил и имя этиунского царя Diusini из рода Игани (¹Iganehi), судя по летописи урартского царя Сардура (см. Н. Марр и И. Орбели, Арх. эксп. 1916 г. в Ван, Петроград, 1922 г., стр. 47, колонна II, строка 51, где ошибочно I-u-ni-e-hi). Этот компонент-šina (-sini) или zina(-zini), как вероятно и имя диаухского царя Sini (XII в. до н. э. при Тиглатпи-лесере I) несомненно звучал žini или žina, что и предлежит в имени мегрельского Ant'ari-žini, народно этимологизируемого с мегр. zi = груз. ze „наверх“, žini „верхний“, žiše „сверху“. Упоминается в Армении (в Сюнии) топонимическое Ага-zin, происшедшее видимо из имени бога Ага и того же слова žin („герой“, „бог“?!).

Вторая мегрельская легенда касается некоего героя Арам-хуту (Эрам-хуту), известного своими смелыми набегами на мегрельское село Джвари, Зугдидского района (см. у Кипшидзе, стр. 196). Но в конце концов, при помощи местных икон святых Георгия и Кирика этот герой побеждается джварцами, его голова и оружие преподносятся этим иконам, особенно громадная дубина Арама с железным набалдашником, которая мол и сейчас хранится в местной церкви во имя св. Георгия. На самом деле в этой церкви находится обыкновенная палка, которую носят местные горцы. И как говорит И. Кипшидзе, „вообще личность Арам-хуту легендарная, никто не знает точно, кто он был: он—то алан [карачай-болкар], то черкес, кабардинец, то абхазец“.

Хотя и в этом имени Арам-хуту хотят видеть мегрельское местное начало, имея в виду личное имя Хету или Хуту, а отсюда и имя села Хетуш-мухури или Хутуш-мухури, тем не менее мне сдается, что обе части этого имени Арам-хуту южного происхождения, привнесены халдами из Урарту. Общеизвестен урартский царь Араме, упорный соперник ассирийского царя Салманасара III, жившего в девятом веке. Об Араме сохранились легенды и у армян, у М. Хоренского, который даже имя армян производит от него. Слово же хуту также налично в урартском, судя по термину hututuhe „власть“ (?) в военной надписи Аргишти I на ванской („Хорхорской“) скале, где (VII надп., 15'—15') читаем: «Халд мне дал мужество (US) и власть (hututuhe) и силу (gunuše)». Есть и божество Huṭuini.

Как видим, пришедшие с юга (Хурри-Субари, Урарту) некие племена, почитавшие бога Халда, привнесли к „занам“ на берегу Черного моря разные свои легенды, из коих до сих пор сохранились две, но с большими изменениями, приноровительно к христианству и соседящим народам, но все же с сохранением древних имен Антари-жини и Арам-хуту.

Эти исторические легенды, как и определенный лексический материал, который следует проследить и дальше, дают нам твердую уверенность, что мегрельское *ṣkoṛi* (из **ṣkoṛi*) „раб“ вместе с армянским *saṛa* „слуга, раб“, а возможно и *ṣoṛi* „прислужник, крепостной крестьянин“, вполне подтверждают значение их источника, а именно хурритского *sarṛ-* (*sar*) или *zarṛ-* (*zar*) „раб, колон“, как это видно из сопоставления сумерского *pat-gar-ra* с хурритским *ṣar-ri*.